

Лу Чжу и Бай Чжи выбежали, когда услышали шум, и случайно увидели эту сцену. Цзинь И прикрыл глаза, в то время как Тянь Чжу потеряла свою обычную стоическую манеру, эмоционально сглотнув слюну:

- Господин... У господина такая пламенная страсть.

Лянь Цяо боялась встревожить других, но так как её сердце колебалось между гневом и ненавистью, она немедленно оттолкнула Сяо Шао и помогла Цзян Жуань подняться. Прикрывая Цзян Жуань за собой, она осторожно прижала Сяо Шао:

- Неужели Сяо Ванъе пробрался в фу посреди ночи только для того, чтобы воспользоваться нашей юной леди?

Лянь Цяо всегда была сварливой, и её слова были прямыми, поэтому девушка не осознавала несоответствия своих слов. Сяо Шао нахмурил брови.

Лу Чжу, с другой стороны, была вполне довольна произошедшим. Она была родом с рынка и не слишком разбиралась в этикете и приличиях, как Бай Чжи и Лянь Цяо. Более того, просто взглянув на Сяо Шао, она поняла, что это амбициозный человек и многого добьётся. Такой холодный отстранённый человек, который относится к Цзян Жуань иначе, чем ко всем остальным, было бы потрясающе, если бы он был их гуе (1). Лу Чжу чувствовала в своём сердце, что было бы здорово, если бы Цзян Жуань смогла стать хозяйкой Цзинь Ин Ван фу. Затем все грязные дела Цзян фу и все эти мерзкие люди не посмеют пытаться устроить неприятность Цзян Жуань.

Цзян Жуань страдала от головной боли в разгар этой ситуации непонимания Лу Чжу и Лянь Цяо, но, учитывая, что проблема на самом деле была вызвана поздним ночным визитом Сяо Шао в Цзян фу, она не могла удержаться, чтобы не посмотреть на молодого человека. Однако девушка не осознавала, что сбросила свою обычную маску нежности и отстранённости и вернулась к своему настоящему "я", которое обычно приберегалось для тех, кто был ей близок. Когда Лянь Цяо и Лу Чжу заметили её действия, они были совершенно потрясены, лишившись дара речи, и поэтому они начали делать вывод, что в отношениях между их юной леди и Цзинь Ин Ваном было нечто большее.

При виде этой картины, в глазах Сяо Шао мелькнул намёк на веселье. Однако он не причинил Цзян Жуань никаких дальнейших неприятностей, заявив:

- Если возникнут какие-либо проблемы, просто приезжайте в Дун Фэн Лу, чтобы найти меня. Уже довольно поздно, Вам следует пораньше пойти отдохнуть, – закончив говорить, он повернулся и запрыгнул на стену, прежде чем исчезнуть в ночи.

Мастер трёхсоттысячного войска гвардии Цзинь И Великой династии Цзинь выглядел так, словно научился у "похитителя цветов" перелезать через стены. В то время как Сяо Шао изящно ушёл, он не осознавал, что его прощальные слова заставили тех, кто слушал, обнаружить, что их воображение разыгралось. И в этот момент сердца двух личных служанок

Цзян Жуань превратились в огромную бурю.

Однако из-за случайного беспокойства Сяо Шао Цзян Жуань больше не испытывала никакого желания обдумывать дневной разговор с Ся Янь, и даже вопрос о Цзян Дань был отодвинут на задний план её сознания. Её разум и настроение стали намного лучше. Вернувшись в свою комнату, девушка ни о чём не раздумывала, погасила свет и легла спать.

На следующий день, прежде чем Цзян Жуань смогла уехать во дворец, в комнату ворвалась измотанная Лу Чжу, воскликнув с удивлением:

– Юная леди, снаружи большой переполох. Они говорят, что у Фужэнь была внебрачная связь, случился неудачный выкидыш, а затем она замыслила ложно обвинить юную леди в том, что она стала его причиной. Простолюдины проводят свой день, распространяя новости, как лесной пожар, говоря, что господин... довольно смелый и дерзкий, чтобы не развестись со своей женой, даже если его заставили носить зелёную шляпу (2).

Лу Чжу, вероятно, фильтровала свои слова – скорее всего, болтовня, должно быть, была гораздо более оскорбительной для ушей. Цзян Жуань спокойно размышляла над этим, так как ей ещё предстояло обнародовать эту новость, поэтому задавалась вопросом, как эта новость распространилась среди всех? Естественно, семья Ся и семья Цзян не стали бы говорить о таких вещах, и Сюань Ли определённо не стал бы искать себе неприятностей. Затем она спросила:

– От кого ты это слышала?

– Слух начался с того врача, – Лу Чжу прикрыла рот рукой, хохоча. – Он пил в таверне и в своём оцепенении пересказал этот инцидент как смехотворную историю, так что об этом заговорил весь город.

Брови Цзян Жуань поползли вверх. Без всякой рифмы или причины, этот человек, который уже получил много преимуществ, мог самостоятельно сплетничать о ситуации, должен был быть под руководством кого-то другого. Образ человека всплыл в её сознании – не был ли Сяо Шао слишком назойливым? Однако оставить его руководить этим делом было для неё хорошей идеей, ведь это позволило бы девушке возложить на свои плечи на одно неприятное дело меньше.

– Карета готова? – спросила Цзян Жуань, так как больше не хотела откладывать решение дел во дворце.

– Всё готово, просто ждёт у входной двери, – ответила Бай Чжи.

Как только она подошла к входной двери, девушка случайно наткнулась на Цзян Цюаня. Лицо Цзян Цюаня было чрезвычайно мрачным. Сплетни уже распространились к утру, быстро заставив его потерять лицо и престиж. Он примчался домой сразу после окончания судебного

заседания, как будто все на улицах смотрели на него с насмешкой. Поэтому из-за этого инцидента казалось, что ему придётся провести остаток своей жизни, подвергаясь критике и насмешкам за его спиной. Ярость в сердце мужчины накопилась до такой степени, что он хотел бы задушить Ся Янь, первоначального преступника, до смерти прямо в этот самый момент. Однако, когда он заметил, что Цзян Жуань планирует покинуть фу, он остановился, чтобы спросить:

– Куда ты идёшь?

Цзян Жуань оглянулась на него с лёгкой улыбкой:

– Вдовствующая Императрица пригласила меня во дворец с визитом. Что-нибудь случилось, отец?

Цзян Цюань сразу же потерял дар речи. С тех пор как Цзян Жуань была удостоена звания Цзюньчжу, её отношения с Вдовствующей Императрицей постепенно становились всё более тесными. И как отец, он чувствовал, что дочь не придавала ему того же значения, который был дан Вдовствующей Императрице, и поэтому, поразмыслив, его сердце наполнилось негодованием. Но затем его взгляд остановился на лице Цзян Жуань. Застигнутый врасплох, он спросил:

– Что это?

На её лице было пять отчётливых отпечатков пальцев, которые, казалось, явно преследовали человека, который их туда возложил. Прошло уже довольно много дней, но воспалённое место всё ещё не очистилось. Это было почти так, как если бы её лицо снова ударили накануне, так как покраснение и припухлость ни в малейшей степени не уменьшились. На её прекрасном, как нефрит, лице это было ещё более очевидно.

---

1. 公公 (gōngye) – зять (используется семьёй жены).

2. Не помню, говорила ли об этом в данной новелле. Лучше уточню. Носить зелёную шляпу – это означает быть рогоносцем. По одной из историй, мужчина, жена которого ему изменяла, однажды, рано утром уходя на работу, по ошибке надел в полумраке зелёную шляпу, забытую любовником жены. С тех пор это и стало синонимом страдающих от измены супругов/ов.